

ВИКТОР ШИРОКОВ

«ОН ПРИСЛАЛ МНЕ СПИРТУ РУССКОГО...»

(Пушкин и Шевырёв)

1

Стали давно привычными сочетания литературных имён: Пушкин и Дельвиг, Пушкин и Байрон, Пушкин и Кюхельбекер, Пушкин и Мериме, Пушкин и Вяземский, даже Пушкин и Тютчев... Отношения же Пушкина и Шевырёва, хотя и неоднократно привлекали внимание исследователей (назову хотя бы Л. Майкова, М. Аронсона, Ю. Манна, З.А. Каменского, Е.А. Маймина, В. Кожинова), однако не грех, думаю, еще раз взглядеться в переписку и стихотворные послания писателей двух разных школ и направлений, в воспоминания их современников, чтобы атмосфера тех далёких лет помогла почувствовать сцепление сил литературных, скрепы дружеских и противоборствующих кружков, чтобы еще раз отделились штрихи к портретам двух поэтов: одного — всемирно известного и повсесердно утверждённого и второго — почти забытого...

2

Степан Петрович Шевырёв.
редактор, критик, переводчик,
профессор... Что же до стихов,
он был поэт не хуже прочих.
А кое в чём и превзошёл
архивных юношей, но Боже
иную роль ему нашёл,
иные свойства подытожил.
Когда поэт уехал в Рим,
(какая впечатлений масса!),
он стал как истый пилигрим
переводить Торквато Тассо.
Он Данта нового открыл,



он стих построил, чтобы фраза
 была не просто — с парой крыл,
 но — с зоркой точностью алмаза.
 Он алгебру хотел связать
 с гармонией, он бросил вызов —
 сам — Пушкину... Хотелось знать,
 а кто бывает без сюрпризов?!
 Отдав науке жаркий мозг,
 он охладил огонь эмоций,
 таков душевных связей мост —
 стеклом вдруг может расколоться...

Степан Петрович Шевырёв
 стихи писал не столь уж долго,
 зато не тратил лишних слов
 и был певцом к Отчизне долга.
 Он посетил Париж и Рим,
 был критики московской зодчим,
 но мы сегодня говорим
 об этом всё же между прочим.
 Его гражданские стихи
 затмил ещё при жизни Пушкин;
 тяжеловесны и сухи,
 смолой пропитанные стружки!
 Спор с Пушкиным — вот в чём вопрос!
 Ах, как его б назвать мы рады
 (простите мыслей перекося)
 поэтом пушкинской плеяды!

Но он пошёл другим путём,
 жил во Флоренции, в Париже,
 жестоко заболел потом
 и, как о том прочтёте ниже,
 безжалостен к поэтам быт;
 журнальная забылась сеча,



он умер всеми позабыт,
а всё же он — и наш предтеча.

Когда любитель перечтёт
в тиши его стихотворенья,
«И кровь ключом двойным течёт
По жилам Божия творенья,
И мир удвоенный живёт
В едином миге два мгновенья».

3

Степан Петрович Шевырёв родился в 1806 году в Саратове в дворянской семье. Одиннадцати лет его привезли в Москву учиться, здесь он и прожил большую часть жизни. Сначала — университетский благородный пансион, потом Московский университет и, наконец, служба в Московском архиве коллегии иностранных дел («архивный юноша») — таковы вехи его жизни в 20-е годы. В 1829 году Шевырёв уехал за границу домашним учителем детей княгини Зинаиды Волконской. Там он встречается с Гёте и Виландом, изучает итальянскую поэзию и искусство, много переводит, пишет стихотворную трагедию «Ромул», читает Шекспира и Байрона, занимается исследованиями по эстетике.

По возвращении на родину через 3 года он занял кафедру русской словесности в Московском университете и в 1834 году женился на девушке из рода Голицыных, заняв, таким образом, по всем параметрам приличествующее преуспевающему человеку положение.

Пиком его литературных удач был 1836 год, затем началась полоса неудач и отчуждения, к Шевырёву переменилось отношение студенчества, а в 1842 году вездесущий В.Г. Белинский статьёй «Педант» подрубил под корень литературную и учёную судьбу «чернильного витязя», «внука Третьяковского». (Кстати, незадолго перед этим, в 1841 году Шевырёв вместе с М.П. Погодиным возглавил журнал «Москвитянин», где выступил глашатаем «официальной народности»).

В 1852 году он стал академиком Петербургской Академии наук. Впрочем, репутацию это не изменило. В 1858 году Е.П. Ростопчина в своём знаменитом «Доме сумасшедших» так охарактеризовала «Шевырку»:



Вот профессор сладкогласный,
 Что так горько был гоним
 Молодёжью, столь пристрастной
 К людям, к мнениям иным.
 Очистительною жертвой
 Духу века принесён, –
 Видит он: теперь уж мертво
 Всё, что чтил, что славил он...
 И враги ему студенты, –
 И за то он им постыл,
 Что любил кресты и ленты,
 Что метафоры любил!..

Что ж, весьма частая метаморфоза не только для русского литератора, и не только в позапрошлом столетии... А ведь был и другой Шевырёв, молодой, пылкий, привлекательный!

4

Пушкин познакомился со стихами Шевырёва через Баратынского, который писал Александру Сергеевичу в начале 1826 года: «Посылаю тебе Уранию, милый Пушкин: не велико сокровище, но блажен, кто и малым доволен... Однакож, позволь тебе указать на пиесу под заглавием «Я есмь». Сочинитель — мальчик лет восемнадцати и, кажется, подаёт надежду. Слог не всегда точен, но есть поэзия, особенно сначала. На конце метафизика, слишком тёмная для стихов».

Когда во второй половине 1826 года Пушкин приехал в Москву, он через своего друга С.А. Соболевского познакомился с Дмитрием Веневитиновым (кстати, дальним родственником поэта). На балу у Веневитиновых (их дом, как известно, сохранился до нашего времени) Дмитрий Владимирович представил Пушкину двадцатилетнего Шевырёва и поэт не только одобрил «Я есмь», ориентированное на державинскую одичность, но при этом прочитал наизусть несколько строф из обсуждаемого стихотворения. Надо особо заметить, что архивные юноши тогда особо привлекли внимание поэта, давно искавшего себе новых сотоварищей по литературной борьбе, расширявшего круг дружественных литературных органов.



Негативно относясь к братьям Полевым, особенно ко Ксенофону, став в оппозицию к «Телеграфу», Пушкин стал активно сотрудничать в «Московском вестнике» (другое дело, что сотрудничество это по многим причинам постепенно сошло на нет).

2 марта 1827 года Василий Туманский (1800–1860), известный элегический поэт, друг Пушкина по Одессе, написал ему из этого замечательного южного города (между прочим, в ответ на пушкинское: «...Погодин не что иное, как имя, звук пустой — дух же я, т.е. мы все, православные. Подкрепи нас прозою своею и утешь стихами»): «...Приступим теперь к литературе. Русская моя душа радуется, видя, что центр просвещения, наконец, переведён в Москву. Влияние этого отечественного города, отдалённого от двора, будет благоприятно для нашей словесности. Теперь уже московские журналы далеко обогнали петербургские. Не будь в бездействии, милый друг, и подстрекай тамошнюю молодёжь к занятиям полезным. Не худо бы составить общество молодых людей для перевода хороших книг по части наук, искусств и политической экономии, особенно с немецкого и английского языков. Да пусть у вас прозой почаще пишут! Кроме статей Вяземского, писанных его слогом, но правильно, сильно и остроумно, нельзя читать ваших прозаических статей. Что за охота Погодину печатать исторические мысли, которые внесутся в историю нашей словесности, как примеры галиматый?.. Что же касается до теории изящных искусств, то её трудно излагать, подобно Шевырёву, в разговорах, а пусть он займётся математическим изложением сего предмета хоть в нескольких статьях, по новой эстетике. Это будет полно и, следовательно, понятно...» (Цит. по: Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. Т. 2. М., 1982. Жаль, впрочем, что здесь не нашлось места для переписки поэта с Шевырёвым!)

Между тем Шевырёв мужал и развивался. В №1 «Московского вестника» на 1828 год Шевырёв в «Обозрении русской словесности за 1827 год» резко раскритиковал произведения Фаддея Булгарина и руководимую им «Северную пчелу». Немедленно Пушкин в письме от 19 февраля 1828 года М.П. Погодину особо отметил: «О герой Шевырёв! О Витязь Великосердый! — подвизайся, подвизайся... Шевырёву пишу особо. Грех ему не чувствовать Баратынского, но Бог ему судья».

Булгарин отомстил Шевырёву разбором его «Мысли», о чем Дельвиг написал Пушкину в конце февраля 1828 года из Харькова: «...Проезжая первопрестольный град Москву...видел я поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих. Шевырёв пел, вопиял и взывал, но не глаголил; гнев противу «Северной



пчелы» носил его на крилиях ветра, он не касался до земли, разве изредка носками сапожными».

В «Московском вестнике» же Шевырëв напечатал разбор «Междудействия к «Фаусту» (одновременно он выполнил и свой поэтический перевод отрывка из междудействия «Елена», опубликованный в том же номере журнала). В ответ Гёте прислал юному автору благодарственное письмо, которое было опубликовано в ч. IX «Московского вестника» за 1828 год на немецком и русском языках. Пушкин отметил это событие в послании М.П. Погодину от 1 июля 1828 года: «...Надобно, чтоб наш журнал издавался и на следующий год. Он, конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журнал на святой Руси. Должно терпением, добросовестностию, благородством и особенно настойчиности оправдать ожидания истинных друзей словесности и ободрение великого Гёте. Честь и слава милому нашему Шевырëву! Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего Германского Патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевырëву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора Уму и Знаниям вытеснить Булгарина и Фëдорова. Я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гёте. За разбор «Мысли», одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырëва, каждого по достоинству».

В феврале 1829 года Шевырëв по дороге в Италию заехал в Петербург и встретился с Пушкиным. В письме от 25 февраля он сообщает Погодину: «Пушкин мне очень обрадовался. Он весьма ласков. Вчера мы провели с ним вместе вечер у Дельвига». Именно там же они вместе, по свидетельству А.И. Подолинского, сочинили эпиграмму на Каченовского «В Элизии Василий Тредьяковский...»

В течение почти четырёхлетнего пребывания Шевырëва в Италии Пушкин неоднократно его вспоминал. По мнению многих исследователей, отзвуки шевырëвского стихотворения «Петроград» слышны в «Медном всаднике», позднее шевырëвский интерес к итальянским октавам вполне соотносим с пушкинскими октавами «Домика в Коломне», причём близки и времена написания (осень 1830 года).

Известно пушкинское письмо С.П. Шевырëву от 29 апреля 1830 года: «Из Москвы в Рим.

Примите и мой сердечный привет, любезный Степан Петрович; мы, жители прозаической Москвы, осмеливаемся писать к Вам в поэтический Рим, на-



десять на дружбу Вашу. Возвратитесь и оживите нашу дремлющую северную литературу. А.П.» (одна из 15 приписок друзей Шевырёва на письме к нему М.П. Погодина). Что ж. В каждой шутке есть доля шутки. И пушкинское дружеское подтрунивание не исключает искреннего уважения и расположения.

Менее распространен в литературном обиходе шевырёвский ответ, тогда как в альманахе «Денница» на 1831 год было опубликовано это шевырёвское «Послание к А.С. Пушкину», написанное летом 1830 года. Хочется и следует привести его целиком:

Из гроба древности тебе привет:
Тебе сей глас, глас неокрепный, юный;
Тебе звучат, наш камертон Поэт,
На лад твоих настроенные струны.
Простишь меня великодушно в том,
Когда твой слух взыскательный и нежной
Я оскорблю неслаженным стихом
Иль рифмою нестройной и мятежной;
Но, может быть, порадуешь себя
В моём стихе своим же ты успехом,
Что в древний Рим отозвалась твоя
Гармония, хотя и слабым эхом.

Из Рима мой к тебе несётся стих,
Весь трепетный, но полный чувством тайным,
Пророчеством, невнятным для других,
Но для тебя не тёмным, не случайным.
Здесь, как в гробу, грядущее видней;
Здесь и слепец дерзает быть пророком;
Здесь мысль, полна предания, смелей
Потьмы веков пронзает орлим оком;
Здесь Дантов стих всю бездну исходил
От дна земли до горнего эфира;
Здесь Анжело, зря день последний мира,
Пророчественной кистью гробы вскрыл.
Здесь, расшатавшись от изнеможенья,



В развалины распался древний мир,
И на обломках начат новый пир,
Блистательный, во здравье просвещенья,
Куда чредой все племена земли,
Избранники, сосуды принесли,
Куда и мы приходим, с честью равной,
Последние, как древле Рим пришёл,
Да скажем наш решительный глагол,
Да поднесём и свой сосуд заздравной! —
Здесь двух миров и гроб и колыбель,
Здесь нового святое зароженье:
Предчувствием объеблю я отсель
Великое отчизны назначенье!

Когда, крылат мечтою дивной сей,
Мой быстрый дух родную Русь объемент
И ей отсель прилежным слухом внемлет,
Он слышит там: со всплесками морей,
Внутри её просторно заключенных,
И с воем рек, лесов благословенных,
Гремит язык, созвучно вторя им.
От белых льдов до вод, биющих в Крым,
Из свежих уст могучего народа,
Весь звуками богатый, как природа:
Душа кипит!..

Какой тогда хвалой гремлю я Богу,
Что сей язык он мне вложил в уста.
Но чьи из всех родимых звуков мне
Теснятся в грудь неотразимой силой?
Всё русское звучит в их глубине,
Надежды все и слава Руси милой,
Что с детских лет втвердилось в слова,
Что сердце жмёт и будит вздох заочный:
Твои — певец! избранник Божества,



Любовию народа полномочный!
Ты русских дум на все лады орган!
Помазанный Державиным предтечей
Наш депутат на Европейском вече, —
Ты — колокол во славу россиян!

Кому ж, певец, коль не тебе открою
Вопрос, в уме раздавшийся моём
И тщетно в нём гремящий без покою:
Что сделалось с российским языком!
Что он творит безумные проказы! –
Тебе странна, должно быть, речь моя,
Но краткие его развернем фазы, –
И ты поймёшь, к чему стремлюся я. –
Сей богатырь, сей Муромец Илья,
Баюканный на льдах под вихрем мразным,
Во тьме веков сидевший сиднем праздным
Стал на ноги уменьем рыбаля
И начал песнь от Бога и Царя. –
Воскормленный средь северного хлада
Родной зимы и льдистых Альп певцом,
Окреп совсем и стал богатырём,
И с ним гремел под бурю водопада.
Но, отгремев, он плавно речь повёл
И чистыми Карамзина устами
Нам исповедь народную прочёл –
И речь неслась широкими волнами:
Что далее — то глубже и светлей; –
Как в зеркале, вся Русь гляделась в ней; –
И в океан лишь только превратилась,
Как Нил в песках, внезапная сокрылась,
Сокровища с собою унесла,
И тайного никто не сметил хода...
И что ж теперь? — вдруг лужею всплыла
В Истории российского народа.



Меж тем когда из уст Карамзина
 Минувшее рекою очищенной
 Текло в народ: священная война
 Звала язык на подвиг современной.
 С Жуковским он, на отческих стенах
 Развив с Кремля воинственное знамя,
 Вещал за Русь: пылали в тех речах
 И дух Москвы и жертвенное пламя!
 Со славой он родную славу пел,
 И мира звук в ответ мечу гремел.
 Теперь кому ж, коль не тебе по праву
 Грядущую вручит он славу?

Что ж ныне стал наш мощный богатырь?
 Он, галльской диетой замучен,
 Весь испитой, стал бледен, вял и скучен,
 И прихотлив, как лакомый визирь
 Иль сибарит, на розах почивавший,
 Недужные стенанья издававший,
 Когда под ним сминался лепесток.
 Так наш язык: от слова ль праздный слог
 Чуть отогнёшь, небережно ли вынешь,
 Теснее ль в речь мысль новую водвинешь, –
 Уж болен он, не вынесет, крягтит,
 И мысль на нём как груз какой лежит!
 Лишь песенки ему да брани милы;
 Лишь только б ум был тихо усыплён
 Под рифменный, отборный пустозвон.
 Что́ если б встал Державин из могилы,
 Какую б он наслал ему грозу!
 На то ли он его взлелеял силы,
 Чтоб превратить в ленивого мурзу?
 Иль чтоб ругал заезжий иностранец,
 Какой-нибудь писатель-самозванец,
 Святую Русь российским языком
 И нас бранил, и нашим же пером?



Недужного иные врачевали,
Но тайного состава не узнали:
Тянули из его расслабших недр
Зазубренный спондеем гекзаметр¹,
Но он охрип... И кто ж его оправит?
Кто от одра болящего восставит?..
Тебе открыт природный в нём состав,
Тебе знаком и звук его и нрав,
Врачуй его: под хладным русским Фебом
Корми его почаще сытным хлебом,
От суетных печалей отучи
И русскими в нём чувствами звучи.
Да призови в сотрудники Поэта
На важные Иракловы дела,
Кого судьба, в знак доброго привета,
По языку недаром назвала:
Чтоб богатырь стряхнул свой сон глубокой,
Дав звук густой и сильный и широкой,
Чтоб славою отчизны прогудел,
Как колокол из меди лит Рифейской,
Чтоб перешёл за свой родной предел.

Стоит заметить, что и сегодня стихотворение это звучит и свежо, и полемически правомерно. А примерно за месяц до завершения этого стихотворного послания Шевырёв писал Погодину: «...в Риме читать письмо от Пушкина — что-то неизъяснимо сладко душе — возбuditельно, он прислал мне спирту русского против неги полуденной, ослабляющей нервы! (еще до письма у меня в голове было к нему послание из Рима; теперь оно скорее созреет — он сам, кстати, дал искру; я в Риме лучше понял назначение России и Пушкина; осмелюсь говорить ему об этом и об языке русском: это в скобках держи про себя...»).

«Послание» это было передано Пушкину через Погодина же, последний прислал в Рим следующий ответ: «Послание Пушкину отдал, очень, очень

¹ Это не может относиться ни к гекзаметрам Жуковского, ни Гнедича, потому что они не зазубрены спондеем. Автор (Примеч. С.П. Шевырёва).



благодарен и хотел отвечать тебе стихами же, разве только свадьба помешает: на днях женится».

Ответа на «Послание» — ни в стихах, ни в прозе — Шевырёв, увы, так и не получил. Время для Пушкина было тяжелое, предсвадебная неразбериха, денежные затруднения, знаменитая Болдинская осень, в начале 1831 года — смерть Дельвига, потрясшая поэта (это после стольких уже потерь друзей и близких!), наконец, долгожданная женитьба, интенсивность новой жизни...

В конце марта 1831 года Пушкин из Москвы написал П.А. Плетнёву в Петербург: «...Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырёва, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом». Потом имя Шевырёва надолго исчезает из пушкинских писем.

Еще раз вспомним, что сам Шевырёв тщетно ждал ответа на своё «Послание» и уже осенью 1831 года заметил С.А. Соболевскому: «Он обещался мне ответить на «Послание», но, видишь, пьян своею женою...»

Скорее всего, Пушкин все-таки почувствовал в этом стихотворении и плохо прикрытую полемику, и риторику, которой в стихах не жаловал, оставляя ей место в учёных спорах. Могло сыграть свою роль и то, что Шевырёв в сентябре 1830 года отправил в письме к Дельвигу эпиграмму на Пушкина, так и озаглавленную автором сначала «Пушкину», а в «Литературной газете» напечатанной под заглавием «Сравнение» (1830, II, с.161). Она совсем невелика и тоже приводится целиком:

Вменяешь в грех ты мне мой тёмный стих,
 Прозрачных мне ненужно твоих:
 Ты нищего ручья видал ли жижу?
 Видал насквозь, как я весь стих твой вижу.
 Бывал ли ты хоть на реке Десне? —
 Открой же мне: что у неё на дне?

Вменяешь в грех ты мне нечистый стих,
 Пречистых мне не надобно твоих:
 Вот чистая водица ключевая,
 Вот Алеатико бурда густая!



Что ж? — выбирай, возьми любой стакан:
Ты за воду... Зато не будешь пьян.

Если «Послание» относительно подробно исследовано литературоведами, об этой эпиграмме говорить как-то не принято. Любопытно, что Пушкин, обычно не оставлявший без резкого ответа даже малейший намёк в свой адрес, на эту эпиграмму не ответил. Может, и впрямь события внешней жизни заслонили литературные мелочи или же он великодушно простил молодому человеку полемический выпад. Ведь в дальнейшем отношения Пушкина с Шевырёвым останутся вполне дружескими.

Осенью 1832 года Шевырёв вернулся в Россию и виделся с Пушкиным в Москве. Барон Розен писал Шевырёву тогда же: «Я о вас расспрашивал Пушкина и узнал только, что вы милы и любезны по-прежнему». В 1836 году Пушкин откликнулся очень доброжелательной рецензией на «Историю поэзии» Шевырёва и тогда же, полемизируя с ним же в другой заметке, назвал Шевырёва «писателем с истинным талантом, критиком, заслужившим доверенность просвещенных читателей». Весною 1836 года Пушкин встретился с Шевырёвым в квартире Нащокина в Дегтярном переулке, где поэт рассказал Степану Петровичу о своих занятиях «Словом о полку Игореве», которое он помнил целиком наизусть и готовил ему объяснение. Буквально следом же, уже в доме Шевырёва он за ужином превосходно читал русские песни. Это и была их последняя встреча.

В 1837 году в «Московском наблюдателе» Шевырёв опубликовал прочувственный отклик «Пушкина не стало».

5

После смерти Пушкина Шевырёв не создал ярких заметных стихотворений. Его стихи «К ГОГОЛЮ», «На смерть поэта» (отклик на гибель М.Ю. Лермонтова), рифмованный выпад против Н. Полевого и прочие литературные эскапады — все-таки перепевы и вариации прежних его тем и мыслей. Вообще, занятия наукой редко сочетаются плодотворно с художественной деятельностью.

К тому же произошла резкая смена поэтических поколений. Бенедиктов, Некрасов, Лермонтов, Фет, Полонский, Тютчев и многие другие поэты сво-



ей работой как бы отменили творчество Шевырёва. Его стихотворения так и не были изданы при жизни автора отдельной книгой, редкие публикации в периодике постепенно затерялись и забылись. И только через восемь десятилетий после смерти поэта они вновь возродились из забвения. Хотя тираж вышедшей в 1939 году в большой серии «Библиотеки поэта» его книги был всего 3 000 экземпляров. (Писал я это впервые чуть не двадцать лет тому назад на фоне мгновенно раскупаемых стотысячных тиражей. Как же опять переменялось время! Сейчас и три тысячи снова весьма солидный тираж). А потом уже снова только через полвека (в 1982 году) вышел сборник «Поэты тютчевской плеяды», где Шевырёву был посвящен раздел.

Что ж, книги действительно имеют свою судьбу. И отношением Пушкина к Шевырёву как поэту и отношением его самого к Пушкину как бы предопределена такая незавидная судьба. Борис Пастернак обмолвился по другому поводу, но всё о том же: «Предвестьем льгот приходит гений и гнётом мстит за свой уход». Верно подмечено не только в отношении политики. За непонимание и глухоту литературный гений наказывает даже невольных оппонентов молчанием и забвением в последующие времена.

И всё-таки оставим в стороне все ошибки, заблуждения и проступки позднего Шевырёва. Бог с ним, с тем, что он излишне пил, склочничал и дрался. У него есть свои заслуги, своя весна. Своя античность.

По счастью, всё это совпало с Пушкиным, осенено его вниманием, дружеским участием, и лучшие строфы Шевырёва, его жажда поэтической мысли, приверженность к энергичной метафоре не раз аукнулись в произведениях поэтов середины и конца позапрошлого века вплоть до наших дней.

А всё же он и наш предтеча. Как и, безусловно, Пушкин.

1982, 1999, 2004

